

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ И МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа – построена на основе подхода, который сегодня только формируется как междисциплинарный научный комплекс, и его в общих чертах определяют как “системогенетический”. В системогенетике можно выделить два основных направления исследований, которые взаимосвязаны; в классических традициях они назывались “синхронное” и “диахронное” направления исследований, в системогенетике они разводятся как исследование генетическое и исследование системное.

Генетический тип исследования предполагает наличие определенной логики разворачивания предмета исследования во времени его жизни, в пределе – реконструкцию его полного генезиса. Нас будет интересовать само становление генетических взглядов, которое было связано с понятием “жизнь” предмета исследования (вот почему первые генетические взгляды в науке оформились именно в биологии). В настоящее время существует целая совокупность разных генетик, например, социогенетика, техногенетика и т.д. Что касается системогенетики, то в ее задачи входит выявление инвариантов и установление законов генезиса любых систем. Разумеется, инварианты такого рода могут охватывать только то множество объектов, которое нами познано и может быть описано как системное. Наличие таких инвариантов является своеобразной рабочей гипотезой метода системогенетики. На сегодняшний день можно только сказать, что такое направление исследований существует и есть ряд исследователей, которые нацелены на выделение универсальных генетических инвариантов [8].

Поскольку мы постепенно включаемся в это общее поле системогенетических исследований, для нас важно получить первоначальную панораму основных взглядов на проблематику оперирования временем в истории. Генетические взгляды имели свои корни не только в биологии, но по большей части – в философии и близких к ней областях, особенно в философии истории [9]. Нельзя назвать практически ни одной цивилизации, которая не решала бы для себя на своем философском уровне проблемы глобального генезиса. Начиная с постановки вопроса о причине существования всего сущего и цели бытия человека, философская мысль не могла не задать определенной генетической картины мира. Вне зависимости от того, в какой идеологии оформлялись эти генетические взгляды, из набора генетических инвариантов выбирался тот или иной.

На материале истории философии можно проследить, как возникал практически весь набор возможных генетических инвариантов в моменты

формирования содержания, в начальные периоды в развитии цивилизаций. Нами выдвигается такое предположение: существует достаточно ограниченный набор, своего рода конечная морфология всех возможных генетических единиц-инвариантов. Эта морфология инвариантов обозначается как потенциал в начальные моменты становления цивилизаций. Так, например, в китайской культуре периода “Ста школ” этот набор просматривается с такой же отчетливостью, как и в античности или в раннем средневековье. Далее в истории цивилизаций можно наблюдать перемещение доминирования от одного инварианта к другому, от одной точки зрения к другой, что составляет процесс перемещения доминирования инвариантов в одном историческом цикле.

Такая условная морфология генетических инвариантов в крупных исторических циклах, например, в формационном цикле, “накрыта” некоторым единством, определенным “менталитетом формации”. Наша задача в данном обзоре – выявить отдельные (не все) предельно большие циклы и зафиксировать верхний уровень генезиса – генезис парадигм времени в формационных циклах.

По сути, мы рассматриваем историю человечества как идеально детерминированную. Причем мы можем наблюдать процесс роста идеальной детерминации в истории, что является самостоятельной проблемой, описанной в системогенетических работах А.И. Субетто [7]. Идеальная детерминация истории достаточно трудно ухватывается. Найти термин для ее фиксации на формационном уровне еще сложнее – это задает сам метод исследования. Наша точка зрения близка позиции М. Барга [1], рассмотревшего “менталитет” как объяснительную основу устройства того или иного общества. Менталитетом называют совокупность символов, которая позволяет людям одной общности одного времени наделять одинаковые вещи одинаковым значением. Если мы уйдем от “определяющей роли способа производства”, скажем, первобытно-общинного строя, к выявлению его общего менталитета, то можем выяснить, что первобытный менталитет в пределе един. Опора на инварианты, удерживающие единство мировоззрения, по нашему мнению, позволяет выделять крупные фазы развития человечества вернее, чем это делает теория “экономических формаций”.

На самом деле “менталитетный подход” Барга только приближает нас к постановке вопроса, поскольку термин “менталитет” недостаточен, у него не хватает емкости для удержания столь широкого поля исследований. Только с очень большой натяжкой можно говорить о “менталитете человечества”. И даже вводимое нами понятие “ментальных формаций” является очень условным. “Менталитет” рабовладельческой формации слишком различен, а то общее и инвариантное, что его удерживает, невелико. И все же, перейдя на позиции идеальной детерминации истории при помощи рабочего понятия “менталитета”, мы обнаруживаем определенную

целостность: менталитет каждой формации в инвариантах предстает единым. Определенная фаза, этап становления человечества как целого, постижения мира через меру и пределы этой фазы удерживают границы этого “формационного менталитета”. Именно наличие такой общности позволяет выделять явления, близкие к тому, что Ясперс назвал “осевым временем” [13]. Разнообразие взглядов греков, китайцев, индийцев и в какой-то мере американцев одного и того же момента истории охватывается общностью, удерживается мерой одного менталитета, одним качеством. Это качество не задается способом производства, не загнано в рамки экономического детерминизма, оно удерживается, невзирая не только на экономику и ее уклад, но и на локализацию той или иной культуры, ее этническую специфику и т.д.

Разумеется, эти положения требуют многократного уточнения и доказательств. Но перед началом исследований нужно опираться на некоторую гипотезу, а затем – либо подтвердить, либо опровергнуть ее. Суть нашей гипотезы в том, что человечество есть целое с самого первого своего проявления. Это целое долго не осознает себя как целое, более того, действительное осознание может наступить только в конце “формационной истории”. На всем протяжении истории человечество накапливало некий идеальный багаж и пыталось с разных позиций осмыслить себя именно как целое. Становление этого целого идет через локальность и дифференцированность к всеобщности и интегрированности. И если говорить об истории философии, то она является полем синтеза такого рода предельных представлений. Они не обязательно имеют логический и рациональный характер; более того, синтез на иррациональной основе имел место значительно чаще. Если встать на позицию познания инвариантов, то для нас не имеет значения, какая это основа. В любом историческом цикле можно наблюдать движение от рационального к иррациональному, которое потом снова и снова повторяется. Односторонность и монизм философской парадигматики способствуют анализу, углублению частных представлений, но не способствуют синтезу, который обязательно строится на конфигурировании разных онтологий.

Отношение к проблеме времени в любой ментальной конструкции является определяющим и задающим. Оно никогда не было “естественным”, как это пытаются представить некоторые исследователи. Это всегда идеальная искусственная конструкция, которая затем накладывается на ход жизни социума. Точка зрения на время управляет сообществом людей. Власть – это власть над временем, вот почему переход от церковного времени к светскому был таким трудным и достаточно кровавым – это был переход доминирования, замена одного типа идеальной детерминации на другой. Пространственно-временные модели, “металльный хронотоп” незримо присутствует во всем, что совершается в той или иной культуре, в том числе и в экономике. И в этом сказывается то обратное влияние культуры

на устройство общества и на экономику, которое и можно назвать принципом идеальной детерминации.

Такая система взглядов противостоит экономическому детерминизму, хотя марксизм не следует упрощать до экономического детерминизма: принцип идеальной детерминации истории присутствует у Маркса и входит в число его методологических приемов. Стройную “пятичленку” социально-экономических формаций придумал отнюдь не Маркс, а Сталин, после социологической дискуссии 1928-1935 годов. Маркс анализировал способы докапиталистического производства и к такой “красивой” схеме не приходил, напротив – азиатский способ производства у него существует наряду с феодом и “формацией” не является. Экономический детерминизм внес массу путаницы в периодизацию истории: и рабовладение как определяющий способ производства было не везде и не до конца, и феодализм был в массе вариаций и модификаций, которые способом производства не ухватываются.

И способ устройства общества, и способ производства есть производное от менталитета данного времени в той же мере, в которой менталитет произведен от них. Взаимобусловленность не есть дуализм: цикл задается не набором орудий и средств производства, а все-таки набором идей. Вряд ли орудия династии Цин сильно отличались от орудий греков, но вот исходные философские положения фиксируют сильнейшие отличия. И мы имеем при одном и том же уровне развития орудий разные типы общественного устройства. Модель управления обществом Конфуция и модель управления Аристотеля – это проявление их отношения к “ментальному хронотопу”, разные проекты при разных основаниях. Если изучать только способы общественного устройства, то причина меняется со следствием. Аристотель задумал эллинизм, Александр и его преемники реализовали проект, выдержав идеологию, хотя и не конца. Точно так же проект Конфуция был реализован в Китае и точно так же стал идеологией.

Наши дальнейшие шаги будут связаны не столько с анализом исторического материала, сколько с анализом “профильтрованных” разными исследователями парадигм времени в рамках ментальных циклов. По жанру это пока обзорная работа, которую следует развить до фундаментальной. Обзор всегда страдает неполнотой, его всегда можно продолжить и углубить. Но тем не менее он задает некую канву, из которой точка зрения уже отчетливо видна. Мы сконцентрировали свое внимание на анализе циклических (и пересекающихся с ними) парадигм времени, существовавших в истории. Как во всяком обзоре, в нашем случае можно выделить только небольшой ряд важных точек, набор которых не является ни исчерпывающим, ни окончательным. В то же время мы старались выдержать определенную логику изложения, основанную на вышеприведенных гипотезах.

1. ПЕРВОБЫТНАЯ ПАРАДИГМА КРУГОВОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В первобытном обществе путем длительных наблюдений была сформирована идея кругового движения, своего рода до-теория вечных возвратов. Надо сказать, что в любых длительно существующих культурах, приобретающих стабильность, вечные возвраты несли идеологическую цементирующую функцию. Куда приятнее жить в стабильном, неизменном, понятном мире. Именно поэтому иногда происходит и обратный процесс – циклические парадигмы идеологически навязываются обществу с целью его стабилизации, особенно круговые парадигмы. И их следует различить: цикл предполагает длительность с некоторыми фазами и его простейшей моделью может являться виток цилиндрической спирали. Сама закономерность появления такой модели уже предполагает освоение аппарата геометрии и стереометрии. Простейшая редукция такого простейшего цикла – круг, то есть одна из проекций цилиндрической спирали на плоскость. Круг носил универсальную объяснительную функцию, тесно связанную не только с понятием времени, но и символикой, например, Солнца. Эта многозначность символов вообще есть свойство первобытного синкретизма.

Не стоит недооценивать первобытную культуру, она владела и более сложным понятием “импульса”, изображаемого как коническая спираль (типа раковины). Плоская проекция конической спирали – расходящаяся спираль в плоских орнаментах, была излюбленным знаком древних. Достаточно сказать, что знаменитый “греческий узор” есть эта же спираль, выполненная прямыми линиями, это древний след в античном времени.

Нам сейчас очень трудно, а может, и невозможно вообразить себе, насколько первобытный человек не отделяет себя от рода-племени, а свое племя от природы. Неотделимость Я от Мы и лежала в основе этого синкретизма. Уже на ранних стадиях формирования менталитета исследуется время и ищутся способы овладения им: до возникновения “первобытного искусства” и ранней письменности существовали календари. Вначале лунный, затем солнечный и звездный. Поскольку люди вели свое происхождение от животных, то и космические явления осознавались как живые существа, как другие животные. Отсюда “зодиакальные круги” (от “зоо”, животного), вариантов которых в истории было множество. Наблюдение восходов и уходов светил и звезд приводили к идее существования некоего абстрактного цикла, цикла вообще. Но первые шаги были сугубо эмпирическими – вычленялись природные циклы. Выделение годового цикла можно считать огромным ментальным достижением, сравнимым с открытием разве что колеса [5].

Можно зафиксировать, что в первобытном сообществе идея цикла приобрела свойства инварианта, но в пределе этот инвариант был круговым, хотя наряду с кругом возник инвариант спирали, что точно отражено в сакральных узорах. Наконец, первобытная диалектика вычленяла инвариант двух спиралей (типа ДНК), который стал практически основным для всех

без исключения древних “сверхзнаков”. Это подробно исследует Н. Шмелев [11]. Нам представляется, что древние модели времени и пространства только по видимости отталкиваются от натуральных моделей, но вовсе не сводятся к ним. Между раковиной и конической моделью времени есть аналогия, между двумя свитыми веревками и спиралью ДНК – тоже, но это уже очень высокий уровень абстракции инвариантов, связывать которые мы не вправе.

Обобщая, можно сказать, что первобытный “циклизм” носил характер, неотделимый от природы: человечество шло по пути выделения актуальных циклов природы. Но если говорить о системе символов, через которую можно прочесть ментальные основы, то мы вправе предположить вычленение и самостоятельное существование как минимум трех временных инвариантов: круга, спирали, двух свитых спиралей. Познание и овладение природой и ее пульсирующим временем не могло пока продвинуться дальше, чем за цикл длительностью в две-три человеческие жизни. Даже в архаической Греции этот временной интервал еще сохранялся и все события “до дедов” одинаково считались древними. Поэтому при наличии универсальных инвариантов обращение их на практику удерживалось в пределах, максимум, столетнего цикла.

Между прочим, неразвитые сельскохозяйственные страны и поныне продолжают сильнее всего зависеть в мелких ментальных циклах от циклов природы, что выражается и в их истории. Известнейшее произведение Г. Маркеса “Сто лет одиночества” отражает восприятие в латиноамериканской культуре того же столетнего цикла, который характерен и для России. Это природный цикл Солнца, описанный А. Чижевским [10]. Отчетливость русских столетних циклов фиксируется целым рядом исследователей [2]. Они проявляются и в культуре, и в политике, но это малые, а не крупные ментальные циклы. Крупные циклы имеют всеобщий характер и связаны с заданием новых принципиальных парадигм. В этом смысле они проектные. Например, таким проектным началом для запуска большого цикла нового менталитета в России послужило принятие христианства. Постоянные природные циклы как бы “держат на себе” эти большие проектные ментальные циклы.

То новое, что возникло в деятельности первобытных людей, связано с проективностью, прогнозом и проектом будущего на основе как конкретных знаний, так и идеальных инвариантов. Первобытная магия стала значительным шагом в развитии социума. Суть ее проективности в попытке изменения естественного хода событий при помощи заклинаний в нужном для себя направлении. У заклинания есть целевая функция и есть проект результата. Поскольку человек себя воспринимает как животное, ему жизненно важно наделять себя силой, ловкостью, хитростью, быстротой, неуязвимостью. Это уже олицетворенный мир, но раннее мифологическое олицетворение не различает отдельно животное и отдельно человека. В

этом смысле первобытное изображение имеет четко выраженную магическую функцию: изображение есть двойник тела и души животного. В последующей египетской культуре эти качества двойника переносятся на скульптуру человека. Овладение оболочкой и изображением есть одновременно и овладение душой животного. Синкретизм делает первобытное изображение всего лишь частью магических ритуалов. Сутью же этих ритуалов является овладение временем, удержание прошлого и проектирование будущего.

Таким образом, первобытный менталитет уже имел потенциал (идеальные модели) для обращения его на управляемость обществом, но был жестко привязан к природным циклам. Первый сдвиг происходит в эпоху “военных демократий”, которые не могли не задать, кроме природной, и иную парадигматику времени, поскольку явились первым крупным новым сообществом. Это хорошо видно на примере истории скифов. Там произошло наложение на природный цикл совершенно нового ментального цикла иной длительности.

2. КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ И КАТЕГОРИЯ СУДЬБЫ В РАБОВЛАДЕНИИ

В рабовладении как в ментальном общем можно выделить одну ведущую тенденцию и три ее модификации. Причем, можно не ограничиваться только Средиземноморьем и европейской культурой, аналогичные черты при желании можно обнаружить в Древнем Китае, Древней Индии и в культурах Междуречья.

Общее состоит в том, что линия преемственности задана мифом. Но задана эта линия в круговой концепции времени. Она приобретает в европейском мире более деятельно-организующий смысл, а в Индии – более субъективно-философский. Парадоксально, но факт – эта линия не имеет прямого отношения к религиям, поскольку проявилась и в китайском менталитете, построенном на атеизме.

Социальные организмы большого масштаба и плотности нуждались в идее устойчивости времени. Эту идею могла обеспечить только концепция круга времени, “колеса вечных возвратов”. Но была и вторая обязательная составляющая – концепция “вечности”. Сосуществование этих двух начал в цивилизациях, близких к Египту, носило сложный нерасчлененный характер. Разведение динамической и статической моделей времени появилось только у досократиков в ранней Греции, а их новый качественный синтез – в модели времени у Платона.

Если индийские философы решили соотношение динамического круга и статической вечности достаточно диалектично, введя идею Кармы, то в европейских цивилизациях отношение ко времени строилось на ином отношении к смерти: преодоление смерти через деятельность и ее результаты. Это активное взаимоотношение человека со временем в пределе можно свести к категории Судьбы. У этой европейской категории было множество вариаций.

Первый вариант демонстрирует совокупность древних цивилизаций, близких по структуре к египетской. Их объединяет общая ментальность, даже общий пафос. Впервые видимый мир (вторая природа) стал строиться на основе всеобщей идеи. Ведущей и противоположной быстротекущему времени стала идея вечности. Египетские пирамиды – это послания в вечность, они и строились из “вечных” материалов. Но эта великая идея (вечность как остановленное время, время, которым человек овладел) в конечном итоге стоит на более ранней идее круга времен, как бы отрицая его. Могущество власти над временем обеспечивалось только в пределе, при этом поток людей проходил сквозь игольное ушко жизни из небытия в небытие. Фараонам и царям было проще – они приравнивались к богам и пребывали в вечности. Взаимоотношения с данной тебе судьбой сводились к долженствованию. Долженствование перед лицом вечности – очень мрачный тип долженствования. Вступать в диалог с судьбой в очень небольших пределах можно было при помощи все той же магии, внутри которой начали появляться устойчивые знания. Но знания – как база для магии, а не как самоценность. В кризисные времена категория судьбы несколько видоизменялась, субъективировалась. И все же судьба была связана только с могуществом государства. При ослаблении государства наступали и личные бедствия. Этот тип судьбы суров и неумолим, можно назвать его “тоталитарная судьба”. Незыблемость пространственного выражения опиралась на вечность как ведущую категорию. И, хотя египтяне вели записи правлений, воспринять мысль о преходящем характере великих царств они не могли. Идея вечности доминировала.

Характеризуя эту первую ментальную модификацию рабовладения, можно сказать, что она строилась на статической модели времени, на вечности. Понятие вечности в системогенетической интерпретации есть неразвитое понятие надсистемного времени: там настолько длинные циклы, что отразить их можно только при наличии огромного багажа наблюдений и знаний. И хотя в египетской науке встречались удивительные прозрения и загадочные знания, сам объем этих знаний был очень мал. Статическая модель времени, основанная на вечности, тяготеет к онтологии нерасчлененного, предельного типа. Это начало затем разовьется в греческой философии в школе элеатов, в особенности у Парменида и Зенона. Что касается кругового времени, динамической концепции, то она носила второстепенный, подчиненный характер и работала больше на уровне обыденного сознания. Ее влияние обстрялось во времена смут.

Если свернуто раскрыть временную парадигму Греции, то здесь отчетливо обозначаются две линии: онтологическая статическая линия элеатов и Пифагора и динамическая линия Демокрита и близких к нему философов. Причем наблюдается первоначальное доминирование именно статической линии трактовки времени, и только позже начинает доминировать динамическая. Синтез и той и другой особенно заботил философов греческой

классики. Это не значит, что во времена доминирования в менталитете статической парадигмы времени не существовало динамических моделей, они существовали. Более того, их наличие крайне раздражало Платона, который нигде и ни разу не упомянул Демокрита, хотя все время ведет с ним скрытую полемику. И наоборот, во времена доминирования динамической концепции было немало достижений и у онтологически настроенных философов. Доминирование, о котором мы говорим, есть доминирование в менталитете.

Греческая судьба в виде Рока вначале близка египетской (хотя сразу же она не была такой мрачной), но со временем теряет свою всеобщность и оттенки неизбежного. В классический период – это сочетание долга и личной воли, оба эти начала влияют на судьбу. С такой судьбой можно и подискутировать, можно хоть как-то обойти предначертанное и нечто для смягчения судьбы предпринять. Но тем не менее это для самих греков лишено смысла, и вот почему. Мифологическое сознание рабовладельческих обществ содержит идею “вечного возврата” как свой основополагающий принцип, но интересно, что время в нем...обратимо. Даже Аристотель уверен, что все повторится до буквальности, и снова греки сразятся с персами. Этот парадокс связан с новым шагом в мифологическом космосе: здесь каждое Я причастно к вселенской драме. Поскольку время – синоним порчи, оно старит людей, то Вселенная периодически освобождается от “накопившегося времени” и снова оказывается на “пороге времени”. Происходящее перестает быть единственно неповторимым и самоценным: отсюда тот удивительный дух жертвенного и гражданственного оптимизма, который соединяет воедино весь менталитет рабовладения классического периода. Идущие события совершенно парадоксальным образом лишались самоценности, история раз и навсегда была задана мифом. Но важно подчеркнуть, что история здесь разворачивалась в горизонтальном плане: ее задает не бог, а такова вселенная. Если античной истории Аристотель отказывает в звании науки, считая ее родом литературы, то у этого были причины: историография представляла собой цепь эпизодов с началом, кульминацией и концом. Греческое понятие судьбы достаточно художественно и где-то даже театрально.

Центральное место в выражении классического греческого менталитета занимает Платон. Он осуществил синтез статического и динамического понятий времени, развел их по уровням. Фактически он очень близко стоял у истока системогенетической гетерохронии. Если трактовать платоновский мир идей как надсистемное время, а его “кажущееся бытие” как системное время, и, наконец, время “принимающей материи” как подсистемное время, то Платон выделяет трехуровневую альтитуду. И пусть его надсистемное время абстрактно-вечное, он осознает возможность движения и в своем мире идей, особенно в поздний период. Более того, он в своем прозрении опередил даже великого философа 20-го века Хайдеггера, тоже решавшего

проблему времени. Ученик Платона Аристотель впервые развернул исследование трех модальностей времени в их соотношении с вечностью. Это произошло за семь столетий до Августина.

В эллинизме круговая концепция времени выросла в преобладающую. Эпикур опирался на учение Демокрита, но оно приобрело у него слегка иррационалистический оттенок. Соотношение рационального и чувственного познания можно соотнести со статической и динамической концепциями времени. И если говорить об эллинизме, то опора на чувственное познание с переходом в иррационализм дала себя знать в полной мере.

Римское мировосприятие изначально замешано на индивидуализме. Но это только окраска общего менталитета рабовладения. Индивидуализм субъектен. Например, Цицерон называет добродетелью преодоление всех жизненных невзгод силой воли. У римлян, в связи с этим пониманием времени, возникла потребность заменить греческий Рок понятием Фортуны, в руках которой человек стал игрушкой слепого случая. И здесь возник символ “колеса Фортуны”, происходящий из первобытного “колеса” – символа Солнца. Колесо вращается и несет поочередно невзгоды или процветание. Правда, и эту малоприятную Судьбу римляне научились модифицировать. Одни ей угрожали, другие уговаривали, а были и такие, которые предлагали обращаться с ней как с рабыней. Рим – это не Египет, особенно поздний Рим, – это антипод Египта и египетского отношения к вечности. Экстатическая концепция познания у Плотина при всей ее иррациональности еще удерживает платоновскую модель мира, но реализуется уже через отдельного человека и его прозрение. Надразумный божественный принцип приближает поздний Рим к идеям христианства. Время как “особое случайное свойство” предметов выделено Эпикуром и развито Лукрецием Каром в его поэме. Ведущая римская идея цикличности как колеса личной судьбы уже вплотную подводила к фатализму средневековья.

3. ТЕОЛОЛОГИЧЕСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ВРЕМЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как и египетские цивилизации, раннее средневековье выдвигает во главу угла идею вечности и статическую концепцию времени. Но эта идея покоится не на подспудном круге времен, а на разорванной, конечной линии исторического времени, которое задается божественной историей. Отсюда возникает другое отношение ко времени в менталитете средневековья. Все причины происходящего на Земле помещаются на небо. История становится обусловленной вертикально, иерархически. Здесь бродит идея идеальной детерминации истории, но она локализована в боге. Время от времени человек совершает события, заставляющие господина реагировать, – из этого и складывается объяснение времени и событий истории.

У Августина в раннем христианстве человек наделяется разумом и волей (что потом так понравится Декарту). Свобода воли дается богом, глупости же человек совершает сам, за что и будет наказан. Но самомнению здесь нет места: без помощи всевышнего человек прах, даже со своей свободой. Если греки делили мир поначалу на эллинов и варваров, постепенно выделяя их разновидности, то у Августина человечество уже имеет единый исток – “от Адама”, поскольку начинается новый импульс в истории. Священная история излагалась в форме четко локализованных во времени и пространстве событий, явление Мессии только вносило в историю мира новый Импульс. А раз так, то кроме истории божественной, скоро понадобилась и светская, и эту историю надо было объяснить не мотивами исторических деятелей, а закономерностью. И пусть само объяснение не могло быть иным, кроме трансцендентального, но это уже была вполне определенная новая философия истории.

Когда вплотную встала проблема времени, то, по Августину, в отличие от Аристотеля, время получило начало: творение времени одновременно с миром. Августин снова столкнулся с парадоксом трех модальностей времени: прошлого уже нет, будущего еще нет, так что же такое настоящее? И пришел к выводу, что и настоящего тоже нет. Есть душа – инструмент для измерения движения. Выдвинутое в качестве основы линейное время истории заставило Августина искать и критерий развития.

Здесь возникает интереснейший момент, мимо которого христианство прошло довольно быстро, зато восточные религии акцентируют его и по сей день: кроме настоящего, есть вечное, и есть душа, погруженная в поток времени, способная над ним воспарить в вечность. Специфика прагматичных европейцев не позволила им остановиться, они разрешали проблему деятельно, поэтому именно они создали технику. Восточный способ отношений с вечностью, напротив, погружает человека в статичное созерцание путем медитации.

В истории не раз осуществлялись попытки синтеза европейского и восточного отношения ко времени и вечности. Но категория надвременной вечной субстанциональности – продукт того момента истории, когда Восток довольно резко отделился от Запада именно в ментальной модификации; взаимоотношения с вечным ими разрешаются принципиально по-разному. Для самой истории – это благо, поскольку работал принцип дополненности, присущий историческому целому. Это не мешало цивилизациям, основанным на двух разных модификациях менталитета, быть равными в средневековье, но уже после 15-го века европейцы с их деятельным богом колонизируют оставшийся статичным Восток, например, Англия – Индию. Так что философский вопрос вовсе не так безобидно философичен: менталитет может и законсервировать историю цивилизации, идеальная детерминация – детерминировать остановку в развитии. Но еще более интересно, что эти “восточные консервы” средневекового менталитета

все чаще становятся нужны именно активному Западу, по мере роста в нем индивидуализма. С увеличением темпа цивилизации свою единственность человек Запада начинает ощущать особенно остро; время ускорилося, и его начинает тянуть сладкая идея не-единственности, идущая с Востока. Отсюда такая популярность всех вариантов Кармы, особенно сегодня и особенно в странах с неустойчивой социальной структурой. Например, в России.

Принципиальный переворот европейского средневековья, таким образом, состоял в замене циклического “колеса” на прямую линию. Эта линия имеет начало, а конец ее в точке Страшного Суда. Античный круг был безысходен, и это потом хорошо отразит Шпенглер в “Закате Европы”, линейное время Августина выглядело полегче, но было не менее предзадано, детерминистично. Средневековое время имеет точную схему, сценарий событий: творение – воплощение – второе пришествие. Здесь лежит источник всех “эсхатологий” средневекового типа (в античности были свои) – “конечности” истории, где конец предначертан еще в начале. И именно воплощение Спасителя как центральное событие придает времени линейность. Колесо слепой Фортуны заменяется: не повторяемость, а единственность воплощения Христа. Возникает уникальная возможность личного спасения за счет моральной жизни по правилам: живи, имея в виду будущий Суд, оценивай каждое мгновение эсхатологически. Эта простая и сложная идеальная основа менталитета заставляет христиан быть деятельными – будущее нужно достойно встретить, надо вести моральный образ жизни. Нормой и образцом выступали святые и живые пустынножители.

Ничего подобного нет в восточных религиях, особенно в идее Кармы, новых воплощений. Ты можешь искупить прошлые ошибки и духовными трудами своими дойти до уровня Махатм (учителей), но этим ты только обретаешь свободу самому выбирать воплощения. Вырваться из круга воплощений в вечность дано единицам. О путях достижения нирваны мнения разных школ расходятся, но возможность не исключается никем. Тут перед нами предстает античное по сути циклическое время, спроецированное на средневековое линейное, только циклическое по вертикали и линейное – по горизонтали жизненного пути. Воистину удивительны пути человеческого мышления: ни один из возможных вариантов не упущен. Критерий Востока – накопление духовного, критерий Запада – действие. Ибо в первом случае твоя жизнь в воплощениях бесконечна, во втором – единственная.

Основоположник средневековой философии истории Августин только задал основной комплекс идей, причем аналогичную ментальную конструкцию можно обнаружить и в Китае того же периода истории. Его последователи гораздо больше внимания посвящали вечности, чем проблеме времени. Но это не та вечность, которой оперирует Египет и средневековый Восток, эта европейская вечность всегда оставалась атрибутом бога. Следует отметить, что классическое средневековье вполне сносно адаптировало

Платона, заменив его мир идей единой идеей Бога. Кроме того, если более подробно разбирать многочисленные воззрения средневекового циклизма, то среди них есть и прото-идея импульса. Она заложена в соединении взглядов Августина и текстов Библии: вокруг линейного времени Августина “навиваются” витки священной истории, причем каждый последующий виток короче предыдущего (по датировкам). В пространственном изображении – это коническая спираль, где напряжение по мере приближения к Страшному Суду возрастает. У схоластиков заново осмысляются эти идеи циклизма, ибо Аристотель к тому моменту стал равноправным с Августином авторитетом.

Становление внутри феодализма новой социальной практики – ремесла и торговли, потребовало создания часов, определилось профессиональное время, отличающееся от натурального сельскохозяйственного. От отстраненности по отношению ко времени позднее средневековье переходит к его измерению и учету. Рациональное, деловое время осознается со середины 13 века. И когда пару веков спустя повсеместно зазвонили часы на ратушах, рухнула монополия церкви на время. И если до сих пор история объяснялась религиозно, то в “Откровении Иоанна” впервые была предпринята попытка объяснить ее исторически. Рыцарские и городские хроники перестали подгоняться под теологическую схему. Наступила эпоха светского времени.

4. ЧЕЛОВЕКООДОБНОЕ ВРЕМЯ В ВОЗРОЖДЕНИИ

Уже номиналисты и мистики в новом контексте различают истину веры и истину знания, разделяя тем самым теологическое и светское время. И хотя до первых буржуазных революций еще не один век, итальянское Возрождение формирует новый менталитет капитализма в рамках средневеково-индивидуалистической идеологии светской интеллигенции. На смену идее корпоративности классического средневековья приходит идея “свободной и самоопределяющейся” человеческой личности. Если в прошлом верующий заботился только о мире вечном, то здесь мы ясно видим стремление к земной, прижизненной и посмертной славе. Торжествуй над смертью! Индивидуализм этого времени связан с иском, неизвестностью, даже некой авантюристичностью жизни. Отсюда снова выкатывается знакомое римское “колесо Фортуны” – доказательство не капиталистического, а позднесредневекового феномена культуры Возрождения. Но эта новая Фортуна – не божество, она скорее “капризная женщина” (в историзме Маккиавелли). Этой капризнице уже можно было противостоять добродетелью. А сам Маккиавелли советовал “пинать” ее, чтобы сделать покорной, совершенно по римским принципам. Маккиавелли возрождает простейший тип циклизма, историческое время мыслится у него как цилиндрическая спиральность, уходящая в бесконечность. Римское Колесо плюс средневековая линия – исходные образующие его спиральности.

Главная заслуга Ренессанса состоит в переосмыслении социального времени, где оно впервые предстало как историческое время. И в нем уже выделялся учтенный конкретный текущий момент. “Используйте время как можно лучше” – это новая этическая ценность, обращенная к человеку и сконструированная для единичного человека. Время стало в Возрождении драгоценностью (чтобы позже редуцироваться до лозунга янки “время – деньги”).

И не ради суда божьего, а ради славы и богатства. Деятельность стала мерой интенсивности времени. Внесение точной меры во время и в пространство еще не привело тогда к полной интерпретации социального времени как исторического – этот поворот совершился только в 19 веке. По сути ренессансное время было двойственным: линейным и обращенным в будущее и в то же время циклическим, с “колесом”, по общему смыслу больше похожим на колебания маятника.

5. СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ В НОВОМ ВРЕМЕНИ

Возрожденческий циклизм имел феноменологический характер. На нем выросла органическая концепция исторического круговорота Джанбатиста Вико, открывающая Новое время. Отталкиваясь от человека, он выделяет в истории три эпохи, сходные с детством, юностью и зрелостью. Божественная эпоха есть эпоха без государства, подчинение жрецам. Героическая эпоха создает аристократическое государство. Человеческая эпоха базируется на демократической республике или представительской монархии. Здесь царит свобода и “естественная справедливость”. После этой вершины, зрелости, наступает упадок и возврат в первоначальное состояние – цикл завершается и потом опять повторяется. Как и все Возрождение в целом, циклизм Вико идет от антропоморфной модели мира. Это олицетворенные, человекоподобные фазы-возраста.

В начале 17 века Ф. Бекон отходит от линейного возрожденческого времени и больше склоняется к циклическому времени истории. Но начало Нового времени, как всякое начало большого ментального цикла, должно было выдвинуть идею субстанциональности, статичности времени.

Фундаментальная картина мира И. Ньютона отражала новую субстанциональную концепцию времени. Две независимые от материи субстанции пространства и времени образуют каркас этого нового менталитета. Эта субстанциональность господствовала два века, пока ее не сменила реляционная модель. Она существовала еще при жизни Ньютона в философии Г. Лейбница: время – порядок последовательностей, оно относительно, как и пространство. Поскольку это не отдельная самостоятельная сущность, а лишь производная, то время становится из субстанционального реляционным. Все, что было заложено Демокритом и

Платоном как две линии в философии, получило здесь продолжение. Причем, что характерно, статическая и динамическая концепции времени возникают и в Греции и в Новом времени параллельно, а доминирование в ментальном цикле идет по той же схеме: от субстанционального статического к релятивному динамическому. Господствовавшая в физике субстанциальная концепция могла противостоять взглядам философов одного и того же времени, например, на переходе от 17-го к 19-му веку. Интересно, что даже во взглядах Ф. Энгельса произошел незаметный переход от раннего субстанционального понимания времени к позднему реляционному.

В Новом времени продолжилась и интересующая нас циклическая линия Вико. Если сам Вико не претендовал на применение его теории для общества в целом, то во всяком случае именно он дал импульс последующим циклистам. Дидро и Гегель базируются на том же понимании цикла, что и Вико, активно обсуждая новые понятия прогресса и регресса.

Здесь мы снова встречаемся с отголосками линейной модели времени. В 14-м веке Орем изобразил время линией. Для Декарта физика и геометрия по идее – одно и то же, и цель науки – добиться их слияния. В декартовой системе координат время изображалось той же прямой линией, что и длина и ширина. Это была первая до Эйнштейна попытка связать время-пространство некоторым единством. И это новое линейное время ничего общего со средневековым не имело. Характерно, что Декарта не разрывали те противоречия между физикой и философией, которые имели место после него: он сам был и физиком и философом. И если говорить о его философском кредо, то оно стояло на статике. Онтологический рационализм Декарта можно сравнить по фундаментальности только с греческим. Он настолько глубок, что его “открытие” еще впереди. Можно подчеркнуть характерную связь линейности времени с субстанциональной парадигмой философии Декарта вообще. Так или иначе парадигма Декарта связана с инструментально ориентированным рационализмом, дошедшим до нашего времени. Линию антиисторизма, построенную на инструментальном рационализме, следует рассматривать отдельно. Здесь отметим только то, что в новой европейской традиции ее основоположником и главным методологом стал Декарт, а взгляды его на историю продолжили К. Поппер и К. Ясперс.

Говоря о циклических взглядах Гегеля, следует отметить, что он продолжил в Новом времени линию Гераклита и динамическую концепцию времени, хотя в целом тяготел к платоновскому синтезу. В отношениях понятий и в отношениях вещей основной схемой у него является трехфазный процесс (в наших терминах – становление, равновесие, деградация). Гегель достаточно часто упоминает и понятие импульса, но не разрабатывает его отдельно. Его импульс не средневековый по основаниям, это импульс истинного рационалиста, несущего знамя прогресса.

В совершенно ином плане эту же циклическую проблематику решают позитивисты, начиная с О. Конта. Конт уже смотрит на историю в целом, выделяя три стадии: теологическую, главенство религии; метафизическую, где наука спекулятивна; научную фазу, конечно, в свете позитивизма (ибо не сущности познает у него наука, а все, проверяемое позитивно по опыту). Эта линия позитивизма дожила в модификациях и до сегодняшнего времени.

6. НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Философски ориентированные историки способствовали возврату и утверждению идеи цикла в новом менталитете капитализма. Конкретно эту идею по отношению к истории в 19-20-м веках развили О. Шпенглер и У. Тойнби на Западе и А. Данилевский и П. Сорокин в России. И хотя их объединяют как историковциклистов, у них были совершенно разные учения. Сходство только в том, что мы видели у Вико и Гегеля, – в *инварианте фазовости* любого развития.

Шпенглер, с его историческим релятивизмом (все преходяще), раскрыл историю как ряд циклов культуры – “особых сверхорганизмов, имеющих индивидуальную судьбу и переживающих периоды возникновения, расцвета и умирания”. Его куда больше заботило вскрытие морфологической “души культуры”, выражающей коллективную “душу народа”. Здесь всю оперирует Судьба [12].

Наиболее известный на Западе историк Тойнби, создавший 12 томов всемирной истории, заменил “теорией цикличности” идею прогресса. Вся история – ряд цивилизаций, проходящих пять фаз: рождения, роста, крушения, разложения, гибели. Две силы действуют в его истории: “смысл истории”, “откровения бога”; творческие индивидуумы, или меньшинства, действительно движущие историю. Элита увлекает за собой “инертное большинство”. Прогресс же человечества – в духовном самосовершенствовании – от примитивного анимализма через универсальные религии к единой религии будущего. Взгляды позднего Тойнби гораздо ближе к единой генетической картине истории человечества как целого [3].

Питирим Сорокин рассматривает исторический процесс как циклическую флуктуацию основных типов культуры, где в основе интегрированная система ценностей, символы. Выход, конечно, тоже в развитии особой “идеалистической” культуры. Социальная философия Сорокина базируется на таких символах, как истина, добро и красота, – это строительный материал культуры, обеспечивающий ее преемственность. Сорокин не выступает как историк, а скорее как социальный диагност и конструктор [6].

Заслугой этих циклистов была критика европоцентризма, открытие единства мирового исторического процесса, как ни парадоксально – через его отрицание. Многообразие путей развития – притягательная мысль для идеологии плюрализма. Но многообразие уничтожает идею всемирно –

исторического прогресса, ибо эти культуры рассматриваются как изолированные. Хотя одно никак не противоречит другому, если встать на ту точку зрения, что локальные культуры – это один уровень циклов, а всемирно-исторический процесс – это надсистемный цикл.

Следует добавить, что есть и практически нераскрытая тема – циклическая парадигматика русского коммунизма. Это совершенно особое явление, где некоторые имена мало известны, а идеи достаточно глобальны. Эту тему, в силу ее противоречивости, не хочется затрагивать вскользь, поэтому отложим ее на будущее. Перейдем сразу к нашему веку.

7. КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В XX ВЕКЕ

В начале века английский философ Джон Эллис Мак-Тагглат описал парадокс, носящий его имя. Он выдвинул идею двух способов описания порядка событий: А-серии и В-серии рядов событий. В его построениях более четко определилось, что разделение времени на прошлое, настоящее и будущее более существенно, чем по принципу “раньше-позже”. Вывод Мак-Тагглата о том, что время есть кажущееся и иллюзорное, не был принят, но парадокс его имени изучается до сих пор. По сути, разделение на серии связано с феноменом человека и наличием его сознания в восприятии времени. Об этом писал еще Платон, и эта же загадка мучила Августина. Если свести к пределу, то ряды Мак-Тагглата разводят статическую и динамическую парадигму времени в новом варианте, основанном на мировоззрении 20-го века. Разведение их в начале века тянуло за собой необходимость синтеза.

За выделением двух серий стоит одновременность существования двух моделей в парадигме цикличности: пространственная модель цикла любого типа имеет внутри вектор направленности развития. Категория “направленности” времени, берущая свое начало от идеи стрелы времени, сегодня выглядит гораздо сложнее. Самых “стрел времени” в естествознании существует уже несколько, и способов объяснения причин необратимости и направленности времени – еще больше. Но одномерность времени уже не обязательно понимается как прямая линия. В современной циклической парадигме время моделируется гораздо сложнее. Очень трудно говорить о единой направленности, если все циклы вкладываются друг в друга иерархически. Ось направленности как суммарная не является прямой “стрелой”, простым вектором, а сама выступает как часть некоего цикла, причем как очень сложная кривая. Старая простота геометрических моделей уступает место сложной многомерной фрактальности. Очень часто в самой математике не находится подходящего аппарата для удержания таких моделей. То, что приводится нами ниже в виде модели импульса, является предельно упрощенной геометризированной моделью.

Общая и специальная теория относительности вроде бы повернули в начале века картину мира в реляционную парадигматику времени. Но на самом деле она не возобладала в менталитете. Неприятие такого рода идет еще от Канта, которого ужасала лапласовская заданность. Канту очень хотелось сохранить за человеком свободу выбора как самое драгоценное, что есть у человека. В 20-м веке ситуация как бы вывернулась наизнанку, но соотношение между устройством мира и свободой человека (эта точка пересечения) стало ведущей проблематикой новых философов. Эту проблему решал для себя Мартин Хайдеггер (“Бытие и время”), решали и русские философы. Насыщенность и сложность борьбы вокруг парадигматики времени здесь настолько велика, что следует посвятить этому отдельное исследование.

Следует отметить особый подход к проблеме времени у А. Бергсона, который тоже стоял на кантовском неприятии естественного детерминизма. Время для Бергсона прежде всего связано с человеческим сознанием, в чем с ним весьма солидарны русские философы начала века. Этот подход Бергсона очень волновал как Н. Винера, так и В. Вернадского, на него не раз ссылается и И. Пригожин. Бергсон вырвался из надоевшего всем круга физического времени и философских трактовок только этого времени и обратил внимание на феномены биологического, психологического и социального времени. Это неизбежно вывело на круг проблем, связанных с эволюцией и накоплением “свободной информации” в живых и социальных системах. Сегодня заметно и обратное влияние работ в области биологического, психологического и социального времени на понятие физического времени.

В середине 70-х годов попытка синтеза, с преобладанием динамической концепции времени, была предпринята синергетиками во главе с И. Пригожиным. Он во многом принял критику Бергсона и распространил на всю динамику второе начало термодинамики, доведя его до инварианта. Достижениями Пригожина-философа можно считать выделение внешнего и внутреннего времени физических систем, а также новую гипотезу необратимости времени, связывающую понятие времени в физике, биологии, социологии и истории.

Исследование времени становится отдельным направлением в науке: возникло Международное общество междисциплинарного исследования времени. Его основатель и секретарь Д. Фрейзер, судя по названиям еще не переведенных книг, вплотную подошел к интересующей нас проблематике (“Время как конфликт”, “Генезис и эволюция времени”). Из опубликованных отрывков его текстов ясно, что взгляды Фрейзера близки к системогенетическим, например, его понятие о “главных временных уровнях” и “эволюции самого времени” с возрастанием сложности природных систем — это взгляды системогенетика.

На сегодняшний день можно выделить четыре модели времени, которые как бы сосуществуют в поле между физикой и философией. Среди них есть и очень экзотические модели Вселенной Девиса и модель Уиллера, трактующие циклическую сингулярность при переходе из одного состояния Вселенной в другое. Но если говорить о ментальной парадигме времени в 20-м веке, то она всегда одна. Новая ментальная парадигма времени началась с работ Бергсона, Хайдеггера, русских философов и эти взгляды отражаются в формирующейся системогенетике. Она синтезирует все существующие парадигмы путем выделения инварианта и устраняет на новом уровне центральное противоречие между субстанционально-статическим и реляционно-динамическим. В наши задачи не входит изложение этой концепции, поскольку мы ставили целью дать исторический обзор некоторых предшествующих концепций. Но тем не менее хотя бы одного предтечу этого формирующегося направления мы не можем не упомянуть.

8. ИНВАРИАНТЫ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛЬВА ГУМИЛЕВА

С тех пор, как выходят в свет долго не печатавшиеся работы Льва Гумилева по этногенезу, идея циклов и динамическая концепция времени снова актуализируется в современной философии истории. Но они приобретают новую окраску. Речь идет о некоторых инвариантах, введенных Гумилевым в научный обиход и носящих, с нашей точки зрения, системогенетический характер. Его работы можно рассматривать как лежащие в русле современных системогенетических поисков.

Вопросы времени и временной парадигмы возникают у Гумилева в связи с исследованием этноса. По теории Гумилева, этнос как бы “заряжается” энергией, причем он находит обоснование у Вернадского источника этой энергии. Само существование этноса в истории является всякий раз иссякающим Импульсом. Этот первый инвариант Гумилева, инвариант импульса, многократно повторен в его исследованиях этносов в каждом отдельном случае. Он отличается от органической точки зрения Вико, хотя параллелей много, может быть, потому, что и в первом, и во втором случае присутствует био-составляющая. Понятие импульса не применяется Гумилевым к истории в ее традиционном понимании; Гумилев отказывался говорить о сферах, не связанных с этногенезом, особенно о “социальной форме движения материи” и ее энергетике [4].

Тем не менее шаг по перенесению инварианта импульса на историю социума будет неизбежно сделан в науке. Сценарий с расширением понятий-инвариантов не раз повторялся, например, с понятием “остраненности” у Шкловского или с ТРИЗом Альтшуллера. Не всегда это было правомерно, но если перед нами действительно инвариант, то такие попытки расширения не заставят себя ждать. Мы утверждаем, что Гумилев применил “инвариант социального импульса”, который существовал в качестве идеи в науке и до

него, достаточно назвать хотя бы Гегеля или позднего Тойнби. Но только при наличии столь фундаментального материала и последовательности в применении этого инварианта он утвердился и приобрел достаточный авторитет. Гумилев проделал сложный путь от идеи импульса до всесторонней проверки этой идеи на массиве истории этносов, чего пока никто другой не сделал. Вот почему мы называем инвариант импульса “первым инвариантом Гумилева”, выводя его за рамки исследования этносов в широкое поле системогенетических инвариантов.

Второй инвариант Гумилева – инвариант “пассионарности”, который можно трактовать как переход доминирования от одной системы к другой. Это уже само по себе подразумевает наличие надсистемы, в качестве объяснительной модели которой у Гумилева выступала сферная концепция Вернадского. Но при этом остается непроясненным принципиальный вопрос о механизме перехода доминирования, у Гумилева ответа нет, он фиксирует данность. И точно так же, невзирая на колебания по этому поводу самого Л. Гумилева, сейчас его понятие “пассионарности” в научном мире повсеместно трактуется расширительно. То есть оно становится вторым инвариантом.

Попадая в сферу интересов системогенетики, локальные методы и инварианты либо приобретают свойство универсалий, либо не выдерживают проверки на всеобщность, это одно из принципиальных положений самого метода системогенетики. “Импульсные” взгляды Гумилева разворачиваются на материале локальных этно-культур, поэтому расширение их до всеобщего инварианта должно пройти длительную проверку. Между тем, импульс истории, который в изображении можно выразить затухающей конической спиралью (так “ведут себя” любые само-стабилизирующиеся “конвергентные” системы), уже сейчас становится одной из ведущих моделей в новой парадигме истории. К такой модели исследователи подходят с самых разных направлений, включая экзотические. И источником двух идей-инвариантов, пассионарности и импульсности, является для многих пока только этногенетическая концепция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы выяснили, что существует целая ветвь исторически разных школ, в постулатах которой лежит прото-идея о том, что история человечества есть сходящаяся (близкая к конической) спираль, в которой прогресс идет в форме круговоротов, но круги эти навиты на конус в качестве витков спирали. У этой пространственно обозримой конической модели были свои, более простые, предшественники. В истории философии и в философии истории можно зафиксировать наличие как минимум нескольких идей, связанных с такой трактовкой исторического времени:

- первобытного природоподобного круга времени,
- простого идеального круга античности (бесконечного возврата),

- линейного теологического времени европейского средневековья с началами идеи теологического импульса,
- спирально-цилиндрического времени восточного средневековья, где тоже своя теологическая спиральность,
- органического цикла Вико, где представлено возрожденческое человекоподобное время,
- стрелы прогресса в Просвещении, где сложно локализовано и онтологическое время Декарта,
- спиральности 19 века, объединившей античный круг со стрелой прогресса (начало разработки идеи естественного импульса),
- многомерного импульсного времени 20-го века, основанного на зримой модели конической спирали.

Мы уже говорили, что в моделях на основе конической спирали присутствует дополнительность двух конических спиралей (модель веретена), есть модели двух взаимопроникающих и взаимодополнительных импульсов. В настоящее время эта ментальная идея выглядит значительно сложнее: время предстает как фрактальное, вложенное, многомерное импульсное время, подобрать к такой модели простой геометрический аналог достаточно сложно.

Если говорить о критическом отношении большинства историков к циклической парадигме, то оно связано только с недостатком информации о современных концепциях ментального времени. Например, травля Гумилева во многом объяснялась попыткой отождествить его сложные импульсные идеи с упрощенными спирально-цилиндрическими. По популярным публикациям можно наблюдать повсеместное применение модели цилиндрической спиральности 19 века, что действительно очень далеко отстоит от многослойности исторических хитросплетений. Историческую тенденцию сегодня уже невозможно воспринимать как абстрактную и равномерную винтовую линию, она ничего не объясняет в истории. Цилиндрическая спиральность может “работать” только в описании эмпирически взятых локальных циклов. Но стоит связать их воедино, как эта модель перестает быть объяснительной. Кроме того, цилиндрическая модель цикла основывается на естественно-научном детерминизме прошлого века, она ищет основания в метрических природных циклах. В природе действительно есть равномерные, раскачивающие циклы, причем на нескольких уровнях это целые “пучки”. Но законы развития социума, что видно даже у Гумилева, имеют свою циклическую структуру, только взаимодействующую, а не жестко подчиненную природе. Мне кажется, что виной тому повсеместно насаживавшаяся у нас методология Гегеля, которая принималась вместе с марксизмом и часто вместо марксизма. Новые идеи не проникали в методологическую толщу нашей исторической науки слишком долго.

Иное дело, если мы встанем на новую позицию исторического социального импульса, обозначенную здесь как инвариант Гумилева, перенесенный с локальных этно-культур на историю в целом. Поскольку специально описанной “модели импульса” у Гумилева нигде не присутствует в чистом виде, мы будем понимать ее в упрощенном виде как двустороннюю коническую спираль (веретено), где история человечества есть только часть общей биосоциальной истории, один конвергентный конус. Такая модель, особенно если принять ее как фрактально-многомерную, достаточно адекватно отражает этапы движения истории человечества в цифрах.

Во введении мы уже говорили о рабочей гипотезе существования “ментальных формаций”. Можно только указать, что наши рабочие вычисления показывают, что эти метальные формации образуют по длительности “витки на конической спирали” с закономерной убывающей длительностью. Относительно шага этой спирали есть как минимум два мнения – шаг в 2,7 и шаг по числам “золотого сечения”. Но об этом следует говорить и более подробно и более фундаментально, хотя бы потому, что сами системы датирования в исторической науке не являются несомненными. Их критиковали еще Н. Морозов в начале 20-го века и наш современник А. Фоменко. И хотя неустойчивость системы датировок – это очень уязвимое место для критики глобального “исторического циклизма”, такого рода модели должны вырабатываться и соотноситься с достоверными историческими фактами. Более того, только через надсистемные импульсные модели, например, модель всего импульса биосоциоэволюции, мы сможем уточнить достоверную длительность истории человечества. То есть движение должно идти как от общего к частному, так и от частного к общему. Истина, как всегда, лежит посередине.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Барг М.Л. Эпохи и идеи. Становление историзма. Москва, из-во “Мысль”, 1987.
2. Васильева Л. Открой чело века!” Литературная газета” от 27 июля 1988 г, N 30.
3. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. Москва, из-во “Наука”, 1991.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. Москва, из-во “Экопрос”, 1993.
5. Климишин И.А. Календарь и хронология. Москва, из-во “Наука”, 1990.
6. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. Москва, Политиздат, 1992.
7. Субетто А.И. Закон роста идеальной детерминации в истории и философии образования. В сб. Проблемы становления системы наук и теорий об образовании. Санкт-Петербург, 1993.

8. Субетто А.И. Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Кн. вторая, Часть 1. Москва, ИЦПКПС ГК РФ ВО, 1993.
9. Философский словарь. Под ред. Фролова И.Т. Москва, Политиздат, 1980.
10. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Тверь, из-во "Академия", 1924.
11. Шмелев И.П. Третья сигнальная система. В кн. Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии. Москва, Стройиздат, 1990.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Москва, из-во "Мысль", 1993.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, Политиздат, 1991.